

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Рассказ

Часть 1

В одном великорусском небогатом селе жил старенький шестидесятилетний поп, по имени отец Иван Богоявленский. О том, как началась его жизнь, о годах его детства и юности не мог бы рассказать никто: сам он за давностью лет все перезабыл, а жена и дети, родственники и знакомые просто ничего не знали. И выходило так, будто у его жизни совсем не было начала - как не будет, вероятно, и конца. На коридор была похожа его жизнь, на длинный коридор, в котором множество глухих дверей: впереди открывается, а сзади захлопывается что-то и хоронит в тишине.

И чем дольше жил о. Иван, тем больше отдалялся он от людей и даже от самого себя. Когда-то ему казалось, что его знают все люди, весь мир знает его, и даже сам Бог внимательно следит за ним треугольником Своих очей; но вот прошло время, и его перестали знать, - в лесу все деревья похожи одно на другое. Главною же причиною было то, что все поступки его были не те, какие надо, и все слова его были не те, какие надо; но об этом никто догадаться не мог, а сам он, если и являлось желание, так все же рассказать не умел: не было слов, какие нужны для такого странного и страшного рассказа. По виду был он низенький, сухой старичок, с реденькой, ошипанной злой бороденкой и темным, присохшим к костяку лицом; вглядевшись пристальнее в его нос, можно было заметить даже ту границу, где впоследствии образуется провал и исчезнет призрачное. Характер же у попа Ивана был скверный; часто злился поп Иван, ехидничал, при игре в карты заглядывал к соседям и вообще мошенничал, а детей в церковной школе драл за уши с жестокосердием.

И уже давно он начал проявлять некоторые странности. Так, лет за десять перед этим, когда его старший сын уже сам сделался священником, о. Иван вдруг пожелал переменить фамилию. Пятьдесят лет был Богоявленским, и отца имел Богоявленского и деда Богоявленского, и уже внуки от него пошли Богоявленские, а тут вдруг пожелал перелицеваться и выскочить из цепи, странным образом разорвав ее и концы оставивши в воздухе. Писал прошения, хлопотал, ездил в город и давал в консистории взятки, но ничего не добился, так как не мог представить уважительных причин.

- Какой же я Богоявленский? - говорил он, раздраженно пощипывая бородку, но более обстоятельного объяснения представить не умел. И прошения свои писал он так:

"Нося от отца моего, как бы в дар, наравне с прочим наследственным имуществом, фамилию Богоявленского и не будучи по существу таковым, свидетельствуюсь перед Вашим Высокопреосвященством о моем непременном желании заменить сей неподходящий знак более вразумительным и к существу моему ближайшее отношение имеющим; при выборе же одного и не имея собственной мудрости полагаюсь на мудрость выше меня стоящих". И подпись следовала такая: "протоиерей Иван без фамилии".

В последних словах прошения было больше ехидства, нежели истинной скромности: уже заранее в потаеннейших мечтах своих он дерзко решил отказаться от всякой предложенной ему фамилии и просить для себя номер - пятизначное число, последняя цифра которого должна быть 9. И число он уже знал, но открыть его хотел только в конце.

Но до этого дело не дошло. Начальство посмотрело на просьбу хмуро, как на вредное чудачество, да и дети, особенно старший, Николай, были против перемены фамилии; и так и остался о. Иван - Богоявленским. Первое время он раза два рискнул подписаться в служебных бумагах: "протоиерей Иван Богоявленский по принуждению". Но, получив строгий выговор, отказался от дерзости.

Затем, уже совсем недавно, он выписал из столицы граммофон, хотя был скуп и никаких удовольствий, даже хорошего стола для себя, не допускал. Но духовных песен взять не пожелал, а потребовал от магазина светской музыки, какую играют на балах. Ему прислали мазурки, падекатры, лезгинку и даже гопака, и он слушал все это в одиночестве, - постороннего присутствия не любил. Потом выписал рассказы из еврейского и армянского быта; и часто ночью, когда попадья уже спала, в соседней маленькой комнатке, пугая, вдруг раздавался незнакомый гнусавый, страшно торопливый голос, точно катившийся по железу и временами путавшийся в своих собственных звуках. Нельзя было понять, о чем он говорит; и когда он начинал смеяться коротко и деловито, но с удивительной развязностью - попадья крестилась, поп же маленькими шажками прохаживался по комнате и многозначительно поглядывал в